

никовъ, оставила безъ точнаго измѣренія ту сторону Церкви, которою она соприкасалась съ гражданскимъ порядкомъ и которую неудобно было еще опредѣлить вполне и прямо изъ христіанскихъ началъ; ибо въ Имперіи еще было довольно язычниковъ. Такъ, напр., языческіе законы о бракахъ еще имѣли силу въ Имперіи и послѣ Константина Великаго. И императоръ Юстиніанъ вынуждался такъ часто перемѣнять законы самою, можетъ быть, неудобностію вдругъ дать для государства, развившагося въ язычествѣ, твердые и вполне удовлетворительные законы, взятые чисто изъ христіанскихъ началъ. *Дворъ языковъ* остался безъ измѣренія!

Все выше сказанное опредѣлялось и упрочивалось въ Церкви и въ Имперіи въ продолженіе вѣковъ отъ IV-го до половины VII-го. Въ продолженіе сего времени Глава Церкви—Иисусъ Христосъ одушевлялъ не только церковное священноначаліе, но и государственную власть благодатнымъ духомъ самой живой и столько же разумной ревности о величій христіанства и о чистотѣ вѣры. Такъ, Равноапостольный Императоръ Константинъ говорилъ пастырямъ Церкви: «Вы—епископы Церкви во внутреннихъ ея дѣлахъ, а я поставленъ отъ Бога епископомъ ея во внѣшнихъ дѣлахъ»¹⁾. Вотъ какъ ясно и живо Равноапостольный сознавалъ призваніе свое къ служенію пророка и свидѣтеля Христіанства, рядомъ съ церковными іерархами, а вмѣстѣ и полную духовную самостоятельность въ этомъ дѣлѣ, какъ свою государственную, такъ и церковно-іерархическую! Оправдали ли Константинъ такое свое призваніе, свидѣтельствуетъ Исторія и самое названіе его отъ Церкви Равноапостольнымъ (смотри о семъ Церк. Ист. Иннокентія, ч. 1, стр. 225 и 226). Въ томъ же духѣ свидѣтеля Христіанства, общемъ съ пастырями Церкви, дѣйствовалъ Императоръ Θεодосій Великій, окончательно подорвавшій гражданскія права и силу язычества въ Имперіи. Юстиніанъ старался возвысить христіанство, не только чрезъ введеніе его духа во всѣ формы общественной жизни, но и чрезъ выраженіе онаго во внѣшнихъ величественныхъ памятникахъ и учрежденіяхъ. По распоряженію и пособіямъ сихъ самыхъ и еще другихъ двухъ

¹⁾ Zosim, Hist. Ecc. L. IV. c. 36—Socrat Hist. E. V. Pro oemium.

Императоровъ составилось въ продолженіе означеннаго времени пять Вселенскихъ Соборовъ, для отправленія на которые изъ всѣхъ концовъ земли даны нужные способы пастырямъ Церкви также государственною властію. Множество помѣстныхъ соборовъ (которыхъ, напр., въ одномъ VI-мъ вѣкѣ насчитываютъ болѣе 80) учреждались также при дѣятельномъ содѣйствіи пастырямъ Церкви со стороны гражданскаго начальства. Какъ ревностно и сильно подвизались въ раскрытіи, проповѣданіи, защищеніи истины Христовой сами іерархи, объ этомъ и говорить нѣтъ нужды: четвертому, пятому и шестому вѣкамъ принадлежатъ самыя знаменитыя вселенскіе учителя и отцы Церкви.

Строгій, благочестивый и покаянный духъ, увлекавшій тогда тысячи людей въ пустыни и проявившійся въ необычайно высокомъ духовномъ совершенствѣ и духовной силѣ подвижниковъ, каковы великіе Антоніи, Макаріи, Ефремы и проч.,—этотъ духъ, одушевлявшій не однихъ пустынныхъ аскетовъ, но возбуждавшій *всеобщее* сочувствіе къ себѣ, и, подлинно, бывшій господствующимъ духомъ означенныхъ вѣковъ,—вотъ что сближало сильныхъ міра сего, владыкъ огромной Имперіи, съ смиренными пастырями Церкви. Ибо въ тѣ вѣка и Императоръ не считалъ униженіемъ своей верховной власти публичнаго покаянія для того только, чтобы получить свободный доступъ въ Церковь вмѣстѣ съ другими православными: это рѣчь о Великомъ Θεодосіѣ, смиренно покорившемся временному отлученію отъ Церкви смиренномудрымъ же, а отнюдь не властолюбивымъ святителемъ св. Амвросіемъ Медиоланскимъ. Въ тѣ вѣка и на царскомъ престолѣ являлись дѣвственники, скрывавшіе подъ покровомъ сожитія свою дѣвственность: это—Маркіанъ и Пульхерія. А каковы по строгости жизни были іерархи, это можно видѣть изъ одного упоминанія именъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ святителей: Аѳанасія Великаго, котораго вся почти жизнь протекла въ заточеніяхъ и озлобленіяхъ за вѣру; св. Николая Чудотворца, достигнувшаго еще при земной жизни такой духовной высоты, чтобы, чрезъ отдаленное пространство по одному воплю нуждающихся, являть имъ чудодѣйственную помощь; св. Василія Великаго, заживо умершаго почти своимъ тѣломъ, какъ самъ онъ выражалъ, отвѣчая на угрозы еретика вельможи; св. Григорія Богослова, на-

ходившаго для самыхъ витійственныхъ своихъ устъ подвигъ строгаго по временамъ молчанія; св. Златоуста устранявшася отъ всякихъ угостительныхъ трапезъ и соединявшася дивное челоувѣколюбіе съ подвижническимъ воздержаніемъ и проч., и проч. Знаменованіемъ и памятникомъ такого содружества іерарховъ и властелиновъ Имперіи, по строгому духу и житію, было и доннѣ осталось то, что Императоры, въ чувствѣ смиренія предъ Церковію, высшихъ ея іерарховъ украсили своею царскою утварію далматикомъ, а іерархи, по духу также смиренномудрія, приняли эту принадлежность царскаго облаченія, какъ покаянное и смиренное *вретнище*. И въ семь самомъ, даже буквально исполнилось апокалипсическое пророчество о двухъ символическихъ пророкахъ Христіанства: *облечены во вретнища* («саккошь»).

Владыки Имперіи, въ самой своей политикѣ поставляющіе для себя христіанство верховнымъ правиломъ, и церковные іерархи, при своемъ чрезвычайномъ могуществѣ надъ духомъ времени, не увлекавшіеся (не исключая даже и Римскихъ епископовъ) видами внѣшняго мірскаго могущества и величія,—какое чудное зрѣлище представляли, когда выдерживали это свое призваніе—право и свѣто- подобно пророкамъ свидѣтельствовать христіанство! Прежде всего безпристрастному наблюдателю, не смѣшивающему злоумышленно этихъ свѣтлыхъ вѣковъ Православія съ сумрачными средними вѣками Западнаго христіанства, жельзя не поражаться тѣмъ, что, въ области Православія, ни іерархи, ни императоры, служа общему дѣлу—свидѣтельства о Христв и Его истинѣ, не обнаруживали насильственного или преобладательнаго вмѣшательства въ кругъ обязанностей и дѣйствій другъ друга. Пререкаемую истину обсуживали, разъясняли и опредѣляли, главнымъ образомъ, церковные учителя: государственная власть заботилась собственно о томъ, чтобы это дѣлалось сколько возможно-мирнѣе и вмѣстѣ вліятельнѣе на христіанское вселенское общество. Враговъ истины, сказыавшихся, по упорству въ заблужденіяхъ, врагами и общественнаго спокойствія, граждански наказывала и обуздывала именно государственная власть: православная іерархія чужда была и тѣни инквизиціонныхъ покушеній и стремленій. Ни бореній, ни столкновеній, ни соперничества

взаимнаго по общему дѣлу: «свидѣтельства Христова», не имѣли православныя власти церковная и государственная, дѣйствуя каждая съ свойственною ей самостоятельностью и безъ посягательства на чужую самостоятельность. Былъ особенно благоприятный случай императору преобладательно вмѣшаться въ дѣла и отношенія іерархическія; это—при открывшихся сильныхъ недоразумѣніяхъ и распряхъ іерарховъ по дѣлу Ефесскаго вселенскаго Собора. И что-же? Императорская власть дозволила себѣ только устранить своимъ вліяніемъ эти недоразумѣнія и распри, мѣшавшія рѣшеніямъ собора войти въ свою силу, а далѣе этого не простерла ни малѣйшаго вмѣшательства въ дѣло іерарховъ. Съ своей стороны, и іерархія православная не пользовалась господствующимъ въ Имперіи интересомъ религіознымъ для своего возвышенія и преобладанія въ Имперіи; напротивъ, возвышая именно Константинопольскую кафедру до уравненія съ Римскою, іерархія опиралась въ этомъ на достоинство царствующаго града, на значеніе Константинополя, какъ резиденціи государя (какъ прямо обозначено вселенскисоборнымъ правиломъ), и, такимъ образомъ, отдавала честь собственно Императору православному. Истинно Богъ былъ съ царственными и церковными свидѣтелями Христовыми, движа ихъ на служеніе дѣлу своей истины и Церкви въ единомудшіи, безъ взаимнаго стѣсненія и смѣшенія круга дѣятельности тѣхъ и другихъ. Одни, проявляя въ себѣ горнее помазаніе Христоподражательной верховной власти, а другіе, проявившіе отъ Св. Духа помазаніе святительства и учительства; были истинно, какъ двѣ духовныя масланы во вселенной; и свѣтомъ Христовой истины, по которой тѣ и другіе ревностно поборали свойственнымъ званію ихъ образомъ. они, какъ свѣтильники, сіяли и горѣли въ храмъ вселенской Церкви предъ Богомъ, и особенно озаряли землю почти вселенской Имперіи, распространяя свѣтъ Христовъ по возможности во всѣ формы общественной жизни и во весь составъ государства, усвоившаго себѣ Христа Бога. Укажемъ на свидѣтельствующіе о семъ факты, о которыхъ говоритъ Исторія. Въ началѣ IV-го вѣка, Римскіе Императоры торжествовали было рѣшительную побѣду язычества надъ христіанствомъ; но въ томъ же самомъ столѣтіи, эта же самая языческая религія не имѣла уже вовсе силъ противо-

стоять направленной противъ нея единодушной ревности Императоровъ и Іерарховъ. «И паденіе ея, говоритъ Исторія (у Лоренца, стр. 182), совершилось съ такою быстротою, что спустя 28 лѣтъ по смерти Θεодосія (т.-е., въ началѣ V стол.), законодатель могъ бы усумниться, есть ли еще въ Римской Имперіи хотя одинъ язычникъ...». Такъ побѣдно было христіанство, свидѣтельствуемое, распространяемое и утверждаемое единодушными усилиями церковной іерархіи и государственной власти.

Однако, враждебное христіанству язычество еще продолжалось въ означенныхъ выше вѣкахъ, и даже выставяло иногда ученыхъ поборниковъ за себя, какъ Ливанія и Зосима, или даже облеченныхъ верховною властію, каковъ былъ Юліанъ Отступникъ. Были и другіе столько же упорные и опасные враги Христовой истины, каковы еретики и лжеучители, находившіе себѣ иногда сочувствіе и покровительство самого императорскаго двора, и также возникавшіе иногда изъ ряда самыхъ высшихъ іерарховъ. Но духъ пророчественнаго свидѣтельства о Христовой истинѣ такъ могущественно и непрерывно дѣйствовалъ въ Церкви и государствѣ, что даже въ томъ случаѣ, когда самъ Императоръ держался языческой или еретической лжи, эта ложь подалась исходившимъ изъ устъ церковныхъ предстоятелей огнемъ слова или ученіемъ объ истинѣ: и мѣсто Христороднаго правителя вскорѣ заступалъ уже такой властитель, который истреблялъ терніе лжи, распространенное его предшественникомъ, огнемъ своей разумной ревности по Православію. (Таковъ, напр., былъ Императоръ Іовіанъ, послѣ Юліана Отступника и особенно Θεодосія Великаго послѣ Валента аріанина). Если же оказывался поборникомъ лжи кто изъ высшихъ церковныхъ іерарховъ, въ такомъ случаѣ огонь пророчественной ревности объ истинѣ разгорался до того, что ни высота сана и личнаго достоинства заблуждающаго, ни множество и сила его послѣдователей, ни самая запутанность обстоятельствъ не могли погасить сего огня, пока онъ не пожретъ враждебную ложь, обличеніемъ и осужденіемъ церковнымъ и государственнымъ. Въ доказательство довольно вспомнить исторію ересіарха Несторія, возсѣдавшаго на Константинопольскомъ престолѣ. Вообще, кто бы ни былъ врагомъ и искажителемъ Божественной истины и

какъ бы онъ ни противодѣйствовалъ Православію: смертельное поражение лживаго его ученія было неизбежно въ Церкви и въ Имперіи. Не спасало отъ этого даже и то, что давно уже не было на семъ свѣтѣ самого лжеучителя. Такъ, напр., учитель еще III вѣка Оригенъ не былъ освобожденъ отъ строгаго суда надъ его заблужденіями, когда эти его заблужденія оказались еще живущими и дѣйствующими въ Церкви.

Особенно торжественное и поистинѣ вселенское зрѣлище ревности и могущества противоборствующихъ лжи іерархсвъ и императоровъ представляли Вселенскіе Соборы. Тѣ вѣщанія ихъ, въ которыхъ выражали они самую истину Божественную, были подлинно говорящіе грома, подъ образомъ которыхъ они выше и были назnamenованы для Тайнозрителя (X, 4). Что же касается до враговъ истины, для нихъ іерархи на соборахъ, особенно вселенскихъ, затворяли небо церковнаго благословенія, ученія, таинствъ, духовнаго общенія, подвергая ихъ анаемѣ; а Императоры, принимающіе и утверждающіе рѣшенія и правила Отцовъ Собора, лишали осужденныхъ Соборомъ, упорствующихъ въ своей лжи къ разстройству и смятенію общественнаго духа и мира, — лишали вышней свободы и удобствъ жизни, осуждали ихъ на заточенія и другія гражданскія наказанія, обращая чрезъ это для нихъ въ кровь—въ омерзительную прѣдъ всѣми горечь, самую воду или способы жизненнаго освѣженія и услажденія. Вообще, въ распоряженіи преданныхъ и единодушно служащихъ дѣлу истины Христовой властей государственной и церковной были готовы для пораженія враговъ истины способы—и духовные, начиная отъ сгнѣдыщащаго слова св. Отцовъ того времени, и земные—гражданскіе.

Такъ было до VII вѣка. Въ продолженіе сего времени самыя существенныя и таинственныя стороны Христовой истины, относящіяся къ тайнамъ тріедиаго существа Божественнаго и Богочеловѣчества Христова были вполне уже раскрыты и утверждены ¹⁾. И вотъ, когда свидѣтельство о существѣ Христовой истины достигло своей полноты,—въ первой половинѣ VII вѣка (ровно черезъ три года съ половиною апокалипсическаго времени служенія двухъ таинственныхъ пророковъ), от-

¹⁾ На 1 и 2 вселенскихъ соборахъ раскрыты и утверждены глубочайшіе догматы единосуція Сына Божія съ Отцемъ и Св. Духомъ по Божь-

крывается, истинно изъ бездны исходящій и звѣрообразный, врагъ Церкви и Имперіи—магометанство. Омраченный ложью и самообольщеніемъ, Магометъ проповѣдуетъ новую, враждебную Христіанству и стремящуюся къ насильственному распространенію, религію; и вмѣстѣ съ тѣмъ основываетъ новое враждебное Имперіи и стремящееся къ завоеваніямъ гражданство. Этотъ несчастный человѣкъ послужилъ выходу, на многіе вѣка, этому звѣрю бездны—Исламу. Іерархія церковная и Государственная власть Греко-Римской Имперіи не успѣваютъ остановить распространенія лживой вѣры и успѣховъ оружія ея поборниковъ. Аравія, Египеть, Іерусалимъ и, вообще, вся Сирія (прямо по апокалипсическому видѣнію) поработаются новому религіозно-политическому звѣрскому владычеству. Испорченные или склонные къ необузданному сладострастію изъ христіанъ, потомъ персы, у которыхъ еще продолжалось жестокое преобладаніе язычества, свирѣпствовавшіе предъ тѣмъ (при Хозроѣ) надъ христіанствомъ, и Христоборные іудеи принимали Исламъ, который и состоялъ изъ смѣси извращеннаго христіанства и іудейства съ язычествомъ. Такъ для послѣдняго дополнилась мѣра долготерпѣнія Христова, и вотъ язычество притянуто *звѣремъ бездны* въ общій смрадный стокъ съ христоубійственнымъ іудействомъ и извращеннымъ до явнаго антихристіанства лжехристіанствомъ. Событія показали, что язычники, попиравшіе *святый градъ* христіанскаго гражданства, около именно трехъ вѣковъ съ половиною, послѣ этого срока достойно вовлечены въ содомское Христовраждебное гражданство магометанства. Но прошелъ тотъ же срокъ и для непримѣрнаго по могуществу церковно-гражданскаго Христоподражательнаго служенія дѣлу истины Христовой: изъ пяти главныхъ первосвятительскихъ престоловъ Церкви три патріаршескіе престола, Іерусалимскій, Антіохійскій и Александрійскій вмѣстѣ съ обширными областями Имперіи подпали игу магометанскаго поработенія; а вельдствіе сего и Царьградъ, и Римъ, да и вся Имперія, были парализованы страхомъ. Такимъ образомъ, вообще, Іерархія

ству,—на 3-мъ Вселенскомъ Соборѣ—догматъ единства лица во Христѣ Богочеловѣкѣ, въ вочеловѣчившемся Богѣ-Словѣ; на 4— догматъ о двухъ естествахъ во Христѣ Божескомъ и человѣческомъ. Это сущность христіанства, подтвержденная и 5-мъ вселенскимъ соборомъ.

церковная и Императоры лишались всякой возможности свидѣтельствовать Христову истину предъ всею землею, съ прежнею побѣдоносною силою и властительною надъ ея врагами свободою. Въ завоеванныхъ же областяхъ подлинно остались какъ бы только одни бездыханные трупы этихъ, прежде столь могущественныхъ, пророковъ Христіанства: ибо, по словамъ Трульскаго Вселенскаго Собора (37 прав.) *множайшіе грады содѣлались поработченными незаконнымъ, и, слѣдовательно, всё учрежденія христіанскаго правитель-ства потеряли въ нихъ гражданскую силу, а церковному предстоятелю таковаго града невозможно было, по соверше-ніи надъ нимъ рукоположенія, пріяти свой престолъ, утвер-диться на немъ въ состояніи священно-начальственномъ, и тако, по преданному обычаю, рукоположенія и все, что епи-скопу свойственно, производить и совершати.* Само собою разумѣется, что въ такихъ обстоятельствахъ еретики, осужденные Церковію и государствомъ, дерзко ободрялись въ своемъ заблужденіи и тѣснѣ между собою соединялись. Это именно извѣстно объ египетскихъ монофизитахъ или коптахъ. Они составляли весьма многочисленное общество, но были стѣсняемы православнымъ правительствомъ Имперіи. За то какъ скоро магометане открыли себѣ дорогу въ Египетъ, монофизиты-копты приняли ихъ сторону и дружно пошли на войну противъ православныхъ грековъ.

Между тѣмъ какъ открыто предъ всѣмъ міромъ совершались такія бѣдствія Церкви и Имперіи, а магометанство болѣе и болѣе распространялось въ различныхъ странахъ и народахъ,—фанатизмъ послѣдователей лживаго пророка болѣе и болѣе воспламенялся. «Ихъ флотъ опустошалъ берега Малой Азіи и, наконецъ, въ 670 году, появился даже предъ Константинополемъ. Аривитяне были воспламенены къ самымъ смѣлымъ и отчаяннымъ нападеніямъ фанатиче-скою надеждою, что завоеватели столицы Греческаго госу-дарства получатъ прощенье грѣховъ и самую богатую на-граду...» Семь лѣтъ продолжали они нападеніе на Констан-тинополь (стр. 317, Ист. Лоренц.). Это-то время, не все, а только часть или половина его ¹⁾, когда Церковь и Имперія

¹⁾ Изъ семилѣтнихъ нападеній на столицу Христіанства надо исклю-чить все время успѣшныхъ отраженій христіанами нападавшихъ маго-

доводимы были до послѣдней крайности *звѣремъ, вышедшимъ изъ бездны*, и разумѣется подѣ апокалипсическимъ числомъ *трихъ дней съ половиною*. Ибо, несмотря на все выше сказанное, магометане должны были *отступитъ* отъ Царя-Града съ чрезвычайно большою потерею, и вслѣдствіе сего между императоромъ и калифомъ заключено было перемиріе на 30 лѣтъ. Это самое и открывало христіанскому Императору и іерархіи Церковной возможность снова стать на ноги, для свидѣтельства Христовой истины и для посрамленія враговъ ея, дерзко поднявшихъ свои головы и производшихъ столь много смятеній и безпорядковъ въ Церкви. И дѣйствительно, чрезъ годъ по заключеніи перемирія съ магометанами, по волѣ Императора Константина Погоната созванъ былъ новый Вселенскій Соборъ (уже *шестой въ общемъ числѣ Вселенскихъ Соборовъ*) для прекращенія безпорядковъ и раздѣленій, производимыхъ моноэелитами, для раскрытія и утвержденія догмата о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ, принадлежащихъ двумъ Его природамъ—Божеской и человѣческой, (догмата, впрочемъ уже необходимо слѣдующаго изъ прежде утвержденнаго догмата о двухъ естествахъ и составляющаго его же раскрытіе).

Но, и затѣмъ, нельзя было ревнующему о Православіи правительству и іерархіи не слышать вопіющей потребности для благоустройства церковнаго въ томъ, чтобы всѣ распоряженія и свидѣтельства относительно Православія и благочестія церковнаго, данныя и прежде сими двумя пророками Христіанства, торжественно утвердить, какъ неизмѣнную благодатную норму для Церкви на всѣ зремена, и для всѣхъ царствъ и народовъ. Ибо Собору и самому Императору нельзя уже было полновластно распоряжаться въ порабощенныхъ невѣрными странахъ, чтобы и здѣсь привести въ точное исполненіе свои суды и рѣшенія о церков-

метанъ,—отраженій, до крайней мѣрѣ на половину преграждавшихъ силу и успѣхи нападній; потому что магометане не только не могли взять Константинополя, но сами, наконецъ, съ урономъ отступили. Слѣд., особенно тяжелаго и лютаго для христіанъ времени было не болѣе трехъ лѣтъ съ половиною, когда Іерархія и Имперія, въ самомъ своемъ средоточіи, насильственно лишались прежней жизни и силы по дѣлу вселенскаго служенія раскрытію и утверженію Христовой истины.

номъ благоустройствѣ. Посему, чтобы и въ этихъ странахъ не предоставитъ самоуправства частнымъ христіанскимъ церквамъ или не предать Православія въ добычу еуемудрія: крайне нужно было твердо поставить выше земныхъ потрясеній всѣ коренные законы и правила истинной Церкви. Эта потребность Церкви тѣмъ громче вопіяла, что на предыдущихъ двухъ Вселенскихъ Соборахъ не составлено было соотвѣтственныхъ ихъ судамъ и распоряженіямъ правилъ. И такимъ образомъ не болѣе какъ черезъ десять лѣтъ послѣ послѣдняго Собора составляется, по распоряженію Императора Юстиніана Ринотмета, еще Вселенскій Соборъ, обыкновенно именуемый *пято-шестымъ*, какъ дополняющій дѣйствія пятаго и шестого Собора. Главное назначеніе и отличительное свойство сего Вселенскаго Собора опредѣляется въ основныхъ его правилахъ: «нынѣ, когда и благочестіе нами уже явно проповѣдуется и Церковь, въ которой Христосъ положенъ основаніемъ, непрестанно возрастаетъ и преуспѣваетъ, такъ что паче кедровъ ливанскихъ возвышается... Божіею благодатію опредѣляется: хранить неприкосновенну нововведеніямъ и измѣненіямъ вѣру, преданную намъ отъ самовидцевъ и служителей Слова, Богоизбранныхъ Апостоловъ: еще же и отъ трехъ сотъ осмнадцати святыхъ и блаженныхъ отецъ, при Константинѣ, царѣ нашемъ, на нечестиваго Арія... въ Никей собравшихся...» И далѣе, такимъ образомъ, нечисленны всѣ прежніе Вселенскіе Соборы, съ указаніемъ именъ Императоровъ, по распоряженію которыхъ они собраны были, до «вѣроисповѣданія» столь недавняго шестого Собора, которое (такъ продолжаетъ соборное 1-ое правило) «взящую крѣпость пріяло, когда благочестивый Императоръ постановленія онаго Собора своею печатію, ради достовѣрности, — на всѣ вѣки утвердилъ... Кратко рещи, постановляемъ (говорять въ томъ же правилѣ отцы Собора), да вѣра всѣхъ въ Церкви Божіей прославльшихся мужей, которые были свѣтильниками въ мірѣ, содеража слово жизни, соблюдается твердою и да пребываетъ до скончанія вѣка непоколебимою. вкупѣ съ Богопреданными ихъ писаніями и догматами... Аще же кто-либо изъ всѣхъ не содержитъ и не пріемлетъ выше реченныхъ догматовъ благочестія... тотъ да будетъ анаеема по опредѣленію, прежде постановленному предъ упомянутыми святыми и блаженными

отцами и отъ сословія христіанскаго, яко чуждый, да будетъ исключень и извержень!..» «Прекраснымъ и крайняго тщанія достойнымъ призналъ сей св. Соборъ и то (такъ гласитъ 2-ое правило), чтобы отнынѣ, ко исцѣленію душъ и къ уврачеванію страстей, тверды и ненарушимы были правила, пріятыя и утвержденныя бывшими прежде насъ святыми и блаженными отцами» и пр. Указаны здѣсь правила Апостольскія, правила 9-ти помѣстныхъ Соборовъ, и нѣкоторыхъ вселенскихъ отцовъ Церкви. Итакъ, прежде подвизавшіеся въ свидѣтельствѣ Православія и лишенные было живой силы магметанскимъ преобладаніемъ, оныя два пророка (т.-е. вселенскіе Іерархи и способствовавшіе ихъ внѣшними распоряженіями Императоры),—точно на облакахъ небесной славы взошли на небо или въ горню, возвышенную надъ всякими земными переворотами и политическими условіями, область благодатныхъ правилъ и законовъ церковныхъ. Здѣсь они навсегда живы, какъ пророки Православія; всегда проповѣдуютъ и утверждаютъ Православіе, въ какихъ бы ни было странахъ, равно какъ осуждаютъ всякихъ искажителей Христовой истины, будутъ ли они подъ магметанскимъ или подъ христіанскимъ правительствомъ. Такъ, по побуду самаго магметанства, ободрившаго было еретиковъ, совершилось тѣмъ болѣе рѣшительное и прочное, вѣчное торжество надъ ними Церкви православной; а кратковременное видимое торжество надъ царственными и церковными свидѣтелями предъ вселенною Православія послужило только къ спасительному общенію ихъ въ Христовой смерти, а потомъ и въ Его воскресеніи и вознесеніи.

Итакъ, не ясно ли, что исторія идетъ по точному предначертанію Божественнаго Откровенія, и въ апокалипсическомъ видѣніи можно безошибочно, съ разумѣніемъ самаго духа и силы событій, читать исторію Христіанства и міра?..

Продолжимъ изслѣдованіе слѣдующей части видѣнія, гдѣ Богосвѣтлый взоръ Тайнозрителя объемлетъ судьбу міра и христіанства въ ихъ взаимномъ соприкосновеніи и внѣ предѣловъ Греко-Римской Имперіи. *И въ часъ той трусъ бысть велий, и десятая часть града паде, и погibe трусомъ имень человеческихъ семь тысяць: и прочіи пристрашнн быша ѿ баша славу Богу небесному* (ст. 13). По связи съ предъидущимъ иносказательнымъ видѣніемъ, и въ семь мѣствъ. пред-

меты видѣнія имѣютъ также символическое значеніе. Изъяснимъ и здѣсь, сначала частные черты и образы; а потомъ сведемъ значеніе ихъ въ общій смыслъ всего мѣста, излагая оный съ прямымъ указаніемъ самыхъ событій, въ которыхъ исполнилось пророчество.

И съ часъ той: въ который, т.-е., оба пророка снова стали на ноги и взошли на небо. Шестой Вселенскій Соборъ, который былъ выраженіемъ возстановленія прежней силы и жизни двухъ оныхъ пророковъ, открытъ былъ въ 680 году. А пято-шестой Вселенскій Соборъ, чрезъ который совершилось восхожденіе этихъ символическихъ свидѣтелей Христовыхъ на небо, послѣдовалъ въ 691-мъ году отъ Рождества Христова. Слѣдовательно, около сего времени должны были произойти и тѣ событія, которыя предуканы въ разсматриваемомъ мѣстѣ.

Трусъ или «землетрясеніе» по вышераскрытому уже у насъ значенію *земли*, какъ твердаго мірскаго и гражданскаго быта, — землетрясеніе означаетъ государственное потрясеніе или политическій переворотъ, какъ и прежде въ семъ знаменованіи было видно Тайнозрителемъ явленіе *труса*. И притомъ *трусъ велиій* значитъ сильное потрясеніе или большой переворотъ и смятеніе въ государствѣ.

Десятая часть града паде. Выше въ этой же главѣ указаны были два града; одинъ *градъ святой* (2 ст.), означающій Греко-Римскую Имперію, взятую въ томъ отношеніи, что въ ней водворилась и стала господствовать вѣра христіанская или святая Церковь; другой *градъ великій* (ст. 8), знаменующій обширное и продолжавшее распространяться еще болѣе, владычество магометанское. Теперь имѣется въ виду просто *градъ*, а не *градъ великій* или *святой*. Слѣдовательно, подъ градомъ, въ настоящемъ мѣстѣ, разумѣется нѣкоторое гражданство отличное и отдѣльное, какъ отъ Греко-Римской Имперіи, такъ и отъ магометанскаго язычества. (Выше уже было показано, что вообще *градъ*, «городъ» — означаетъ какое-либо опредѣленное гражданство или государство). И такъ-какъ политическое смятеніе или потрясеніе состоитъ въ колебаніи собственно порядка общественнаго: то *паденіе десятой части* города означаетъ то, что, въ слѣдствіе показаннаго большого смятенія или потрясенія политическаго, *отчасти* (хотя это весьма малая часть, имен-

но *десятая часть*) прежній порядокъ вещей въ государствѣ палъ.

И погубе трусомъ именъ человеческихъ семь тысящъ. Образъ и символъ здѣсь такой, что отъ землетрясенія, отъ котораго падали и разрушались самыя зданія города, погубило до семи тысящъ народа. Смыслъ такого символа не трудно разрѣшить. Знаемъ уже, что землетрясеніе означаетъ внутреннее политическое смятеніе, производящее отчасти перемѣну государственнаго порядка. *Губительность* такого политическаго потрясенія для народонаселенія, можетъ быть не иная, какъ губительныя или кровопролитныя войны, и особенно междоусобія въ государствѣ. Определенное число погибшихъ: *семь тысящъ именъ*, значительное для народонаселенія какого-либо города, по отношенію къ государству, указываетъ, что, вообще, много войска и гражданъ будетъ убито въ междоусобіяхъ.

И прочіи пристрашнн быша, т.-е., ужасами внутренняго смятенія и кровопролитныхъ междоусобій имѣлъ быть глубоко потрясенъ и пораженъ самый духъ уцѣлѣвшаго народонаселенія, такъ что появится у всѣхъ трепетная заботливость о собственной участи.

И даша славу Богу небесному. Подобное сему выраженіе и объясняющее его мѣсто, находимъ въ книгѣ Іудіеи: *и отвратишася отъ пути отцевъ своихъ, и поклонишася Богу небеси, Богу, Егоже познаша* (V, 8) Итакъ, видно, въ слѣдствіе показаннаго выше нравственнаго потрясенія, произведеннаго ужасами политическихъ смятеній и, вообще, подъ влияніемъ грозы и страха, а не кроткаго убѣжденія, благовѣстія и спасенія, имѣло совершиться обращеніе народонаселенія въ государствѣ отъ пути отцевъ своихъ къ вѣрѣ истинной, къ Богу христіанскому.

Изложимъ теперь общій смыслъ всего мѣста, указывая притомъ для окончательнаго изъясненія мѣста, уже прямо на историческія событія.

Въ исторіи мы находимъ, что около того времени, когда происходили въ Имперіи Греческой послѣднія церковно-государственныя событія, выше нами означенныя, дѣйствительно открылись великія волненія и смятенія въ новой политической области, въ послѣдствіи получившей великое значеніе въ судьбахъ міра и Церкви. Говоримъ о новообразующей-

ся державѣ Франко-Германской. Здѣсь Каролингская фамилія стремилась завладѣть верховною властію, принадлежавшею иному царствующему дому, и соединить подъ своею властію весь составъ Франко-Германскихъ племень; а для этого она имѣла борьбу съ другими совмѣстниками, произведшую продолжительныя междоусобія во Франко-Германскихъ племенахъ, и выдержала кровопролитныя междоусобія, возбуждшіяся и между собственными ея членами. Смуты открылись въ 680 году, когда Пипинъ выступилъ на поприще государственной дѣятельности. Семь лѣтъ отселѣ длилась междоусобная кровопролитная война между двумя главными племенами Франко-Германскими. Въ 390-хъ годахъ смуты на время утихли; но затѣмъ, по смерти Пипина, открылись междоусобія въ самой его фамиліи, опять потрясавшія и волновавшія весь Франко-Германскій міръ. Побѣды Карла Мартелла положили конецъ всѣмъ этимъ неустройствамъ, и все во Франко-Германской державѣ возвратилось въ спокойное состояніе: только верховная власть перешла отъ прежняго царственнаго дома въ фамилію Каролинговъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и прежній порядокъ вещей. Всѣ эти продолжительныя и сильныя политическія потрясенія, въ которыхъ пролито было столько Франко-Германской крови, имѣли такое благотѣльное вліяніе на нравы и духъ германцевъ, что когда послѣ сихъ смутъ прибылъ въ Германію проповѣдникъ христіанства Вонифатій (прежде уже приходившій сюда, но безъ успѣха),—язычники здѣшніе крестились отъ него толпами. И чрезъ 12 лѣтъ христіанская вѣра была введена, трудами главнымъ образомъ одного только мужа, во всѣхъ Германскихъ странахъ, принадлежавшихъ тогда Франкскому государству (смотри 297—298 стр. Лор.). Долше и упорнѣе всѣхъ туземцевъ держались язычества Саксы съ Фризами, но они, наконецъ, при Карлѣ Великомъ, постигнутые грозною катастрофою, подчинившею ихъ владычеству его, именно грозою и страхомъ, вынуждены были воздать славу Богу небесному...

Такъ съ появленіемъ магометанства, провидѣно Тайнозрителемъ и возвышеніе Галло-Германской или Франкской христіанской державы, сплотившей въ себѣ чуть не всю Западную Европу.

Горе второе отыде, такъ заключается апокалипсическое

изображеніе не только послѣдняго изъ символическихъ явленій, но и предшествующія въ Апокалипсисѣ видѣнія (начиная съ 12 ст. IX гл.), — *се горе третіе грядетъ скоро* (14 ст.). Эти два горя относятся (какъ показано еще въ изслѣдованіи 13 ст. VIII гл.), главнымъ образомъ, къ язычникамъ, судъ надъ которыми выше еще не былъ доведенъ до окончательнаго раскрытія всего. И въ самомъ дѣлѣ послѣднія казни надъ языческой Греко-Римской Имперіею, указанныя въ послѣдней половинѣ IX главы, потомъ торжество христіанства надъ язычествомъ, изображенное въ X-ой главѣ, единодушныя подвиги Императоровъ и Іерарховъ, объ утвержденіи и возвеличеніи христіанства, раскрыты въ началѣ сей XI главы, — самые затѣмъ изображаемые успѣхи ислама, особенно жестокаго въ отношеніи къ язычникамъ и овладѣвшаго цѣлымъ языческимъ государствомъ Персіею (XI, 7—10), потомъ возобновившіеся успѣхи Іерархіи и Имперіи о повсюдномъ благоустроеніи и утвержденіи Вселенской Церкви (ст. 11—12), наконецъ, явленіе новой сильной христіанской державы въ Западной Европѣ (ст. 13): все это составляло самое многосложное *горе* для языческаго міра ¹⁾, т.-е. для самого язычества. Но еще, видно, имѣла снова проявиться языческая вражда противъ христіанства. Требовалось довершеніе суда надъ Богоборнымъ язычествомъ: *се горе третіе грядетъ скоро*, гсверитъ св. Апостолъ Тайнозритель.

И седмый Ангелъ воструби, такъ предваряется новое горе, и *быша гласи велицы на небесѣхъ глаголюще: бысть царство міра Господа нашего и Христа Его, и воцарится во вѣки вѣковъ* и проч. (15 ст. до конца главы). При изъясненіи этихъ апокалипсическихъ явленій будемъ отъ частныхъ восходить къ общему смыслу.

И седмый Ангелъ воструби: намъ уже извѣстно, что этимъ знаменуется таинственное, распорядительное и властительное вліяніе на нашъ земной міръ одного изъ невидимыхъ служителей и исполнителей воли Вседержительной о наказаніи язычества, главнымъ образомъ, въ Греко-Римской Им-

¹⁾ Конечно не будетъ ошибки разумѣть здѣсь отпадшихъ отъ истиннаго христіанства въ духъ языческой чрезъ ереси и заблужденія; подобно какъ выше изображаемые два пророка поражали ученіемъ и гражданскими ограниченіями не только еретиковъ, но и язычниковъ Имперіи.

періи. Ибо, еще въ VIII гл., при апокалипсическомъ указаніи времени перваго гонителя изъ римскихъ Императоровъ Нерона,—показано было, что семь Ангеловъ уже были избраны и готовы къ совершенію суда Божія надъ Боговраждебнымъ язычествомъ. *Седьмь Ангелъ, иже иняху седмь трубъ, уготовашася, да вострубятъ* (6 ст.).

И быша гласи велицы на небесехъ глаголюще: Небо есть благодатное небесное царство—Церковь; посему великіе говорящіе *гласы* на небѣ означаютъ нѣкоторое твердое и громкое провозглашеніе или исповѣданіе въ Церкви. И притомъ, такъ какъ это исповѣданіе раздается въ Церкви по знаку, данному однимъ изъ безплотныхъ служителей суда Божія надъ язычествомъ, именно—въ Греко-Римской Имперіи; то, очевидно, что и самое исповѣданіе должно выразиться въ Церкви, относительно той же самой Имперіи, въ которой, значить, опять имѣла обнаружиться языческая вражда противъ Церкви Христовой или православнаго Христіанства. И въ самомъ дѣлѣ, далѣе (ст. 18), упоминаются «язычники разсвирѣпѣвшіе и губящіе землю» (съ греч., собственно: «растлѣвающіе землю»).

Бысть царство міра, съ подлинника: «царства *Vasileia* міра содѣлались» или стали... Подъ «царствами міра» разумѣется, вообще, политическій міръ съ своимъ мірскимъ величіемъ и властями (см. Мѡ. IV, 8). Таковъ былъ прежде собственно языческій міръ: ибо царство избраннаго народа, бывшее нѣкогда впрочемъ, царствомъ *не отъ міра*, но Божіимъ, уже не существовало. Особенная выразительность разсматриваемыхъ словъ открывается изъ того, что нѣкогда міродержецъ тьмы, указывая Христу на всѣ *царствія міра* (смотри. тамъ же), мнилъ располагать ими по своей волѣ и власти: ибо царства міра, поклоняясь твари вмѣсто Творца, покорялись чрезъ это, дѣйствительно, *князю власти воздушныхъ*; какъ сказалъ Апостоль о состояніи зсего языческаго міра до христіанства (Еф. II, 2). Теперь же, такъ вопіютъ небесныя гласы, «царства мірекія стали (владычествомъ) *Господа нашего и Христа Его*»...

Господа нашего и Христа Его, т.-е., Бога Отца и Единороднаго Его Сына—Богочеловѣка Христа. Ибо въ семъ значеніи употреблялось выраженіе: *Господа и Христа Его*, еще въ В. Завѣтѣ, какъ именно во 2 псалмѣ (2 ст.). Остает-

ся неяснымъ только то, въ какомъ смыслѣ здѣсь представляются «царства міра» Господними и Христовыми. «Царства міра» и находясь по своему идолопоклонству подъ властію міродержца діавола тѣмъ не менѣе однакожъ никогда не выходили изъ - подъ державы Божіей, какъ сказано еще въ Ветхомъ Завѣтѣ: *Царство Твое, Боже, царство всѣхъ вѣковъ и владычество Твое во всякомъ родѣ и родѣ* (Пс. 144, 13). Посему «царства міра», по словамъ небесныхъ гласовъ, стали Господними и Христовыми не иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что Христіанство или благодатное Царство Христово твердо установилось и обширно распространилось въ мірѣ языческомъ, и что потому самыя власти и среды мірекія, по вѣрѣ во Христа, должны подчиняться теперь благодатному закону Божію и Христову.

И воцарится во вѣки вѣковъ, т.-е., какъ видно изъ предыдущаго, на вѣки благодатию воцарится въ царствахъ міра Христосъ и въ Немъ Богъ Отецъ. Мысль эта требуетъ нѣкотораго изъясненія. *Нынѣ судъ міру сему, нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ*, говоритъ Господь Иисусъ, имѣя въ виду свое пригвожденіе ко кресту и привлеченіе къ Себѣ всѣхъ (Іоан. XII, 31—33). И дѣйствительно, чрезъ Свои страданія и смерть за грѣшный міръ Иисусъ Христосъ упразднилъ смертоносную державу діавола, тяготѣвшую надъ міромъ, и открылъ для всѣхъ царство вѣчной Божественной любви, привлекая всѣхъ, кто самъ желаетъ, въ участіе такой Своей благодати. Основанное, такимъ образомъ, царство благодати само по себѣ пребываетъ во вѣки вѣковъ, до самой вѣчности, въ которой оно раскроется въ царство славы; а по отношенію къ привлекаемымъ къ Христовой благодати мірекіимъ царствамъ, для нихъ власть и законы благодатнаго царства должны быть непреложными и обязательными *во вѣки вѣковъ*.

Итакъ, общій смыслъ всего стиха такой: по дѣйствительному знаку послѣдняго изъ безплотныхъ служителей суда Божія надъ Греко-Римскою Имперіей, которая снова имѣла обнаружить языческую вражду противъ православной Христовой Церкви, съ силою возбудится и громко выразится въ Церкви исповѣданіе того, что въ христіанствѣ политическій міръ, а потому и всѣ мірекія власти подчинены благодатному закону и власти Отца Небеснаго и Единороднаго Сына

Его Иисуса Христа, что благодатная держава Иисуса Христа и въ Немъ Бога Отца должна быть священно-непреложна для мірскихъ царствъ и властей во вѣки вѣковъ, такъ какъ она и пребываетъ во вѣки вѣковъ. Этотъ пророчесственный смыслъ разсматриваемаго мѣста окончательно раскрывается и оправдывается самими событіями. *Горе третіе грядетъ скоро*, сказалъ Апостоль Тайнозритель непосредственно послѣ того, какъ предугадалъ обращеніе къ Богу Небесному германцевъ, удѣлѣвшихъ послѣ сильнаго продолжительнаго потрясенія государственнаго. И дѣйствительно, Вонифатій еще только приступалъ къ устроенію Франко-Германской церкви, какъ въ Греко-Римской Имперіи открылось гоненіе противъ православнаго Христіанства, въ которомъ повторилась языческая жестокость и ненависть къ Христовой истинѣ, и которое длилось въ продолженіе нѣсколькихъ царствованій,—болѣе полувѣка. Говоримъ о гоненіи на Церковь отъ иконоборцевъ. Прежде христіанскіе Императоры, одушевляемые благоговѣйною ревностію о славѣ Христовой, дѣятельно способствовали къ благоустроенію и возвеличенію Церкви, но не иначе, какъ оказываясь (по выраженію Равноапостольнаго Константина) „Епископами съ внѣшней стороны Церкви“, предоставляя опредѣленіе догматовъ, ученіе и тайноводство Епископамъ въ собственномъ смыслѣ сего имени, и зато въ этихъ Христіолюбивыхъ государяхъ олицетворялся одинъ изъ тайнознаменательныхъ апокалипсическихъ пророковъ, свидѣтелей Христовыхъ. Теперь же государи (сначала Филиппикъ, потомъ Левъ Исаврянинъ, затѣмъ особенно Копронимъ, еще Левъ, сынъ Копронима) вздумали опредѣлять истину Христову собственно своею властію, вопреки православнымъ Іерархамъ, которые одни призваны право править слово Божественной истины; по духу и дѣламъ безчеловѣчной жестокости къ православнымъ христіанамъ, они повторили въ себѣ языческихъ Императоровъ—гонителей христіанства. Это самое и потребовало продолженія надъ Имперією суда Божія, караваго языческую вражду ея противъ Церкви. Въ Церкви, во всѣхъ ея концахъ, возвысились голоса, что эти государи-иконаборцы посягаютъ на власть Божію, на права и духовную свободу въ дѣлахъ вѣры искупленной Сыномъ Божиимъ Церкви. что, если они держатся христіанства, то и сами должны покорять-

ся непреложнымъ благодатнымъ законамъ вѣчной державы Божіей и Христовой, а не вооружаться противъ нея мятежно-нически, подобно язычникамъ. Св. Іоаннъ Дамаскинъ, подданный магометанскаго владычества, былъ (чего не могла не замѣтить и свѣтская Исторія, стр. 330, Лоренца) по преимуществу органомъ этихъ гласовъ небесныхъ; принимая сочиненія его съ восторгомъ, всѣ православныя области Имперіи вторили ему своими голосами; а западные христіане тѣснѣе соединились около своего первенствующаго, тогда еще православнаго папья — папы Римскаго, съ отвращеніемъ къ Богоборной власти Императора. И въ этомъ дѣйствительно совершался тотъ же судъ Божій надъ Имперією, который еще при Неронѣ началъ карать ее за вражду противъ Церкви; ибо Италія по поводу преобладанія на Востокъ иконоборства, воспроизведшаго языческую вражду Имперіи противъ православнаго Христіанства, — рѣшительно отложилаь отъ Императора, и въ нѣдрахъ самой Восточной Имперіи, открылось раздѣленіе между православными и иконоборцами, давшее властолюбю поводъ воспользоваться этими смутами и потому потрясавшее Имперію междоусобіями. На Западѣ сверхъ того, вопреки равноязыческому тиранству надъ Церковію Императоровъ Восточныхъ, самое званіе царственное стало освящаться и утверждаться видимымъ торжественнымъ церковнымъ помазаніемъ царя. Посему царь мірскаго царства являлся помазанникомъ Господнимъ по благодати и первообразу Самого Христа. Такъ во Франко-Германскомъ государствѣ, Пипинъ былъ помазанъ Вонифатіемъ, распространителемъ христіанства между германцами, а потомъ и самимъ папою Римскимъ, еще не отдѣлившимся тогда отъ православной Церкви. Карлъ Великій былъ помазанъ и коронованъ папою, отъ котораго онъ получилъ и титулъ Римскаго Императора, — чѣмъ также наказывались отъ Бога Византійскіе Императоры-иконоборцы, окончательно утрачивая Италію и прежнее свое значеніе въ мірѣ политическомъ. Отселѣ священное и торжественное въ Церкви помазаніе царей утвердилось навсегда въ мірѣ христіанскомъ, а впослѣдствіи перешло и къ намъ, въ православную Россію. *Быша царства міра Господа нашего и Христа Его, и воцарятся во вѣки вѣковъ.* Это произошло, какъ свидѣтельствуесть Тайнозритель, — именно

по гласу седьмого безплотнаго служителя гнѣва Божія на языческую вражду противъ Православія. Такъ совершилась великая тайна Божія о благодатномъ призваніи язычниковъ и о рѣшительномъ низложеніи господствовавшаго надъ міромъ цѣлыя тысячелѣтія язычества, какъ то заранѣе или выше (X, 7) предсказано ¹⁾ Ангеломъ торжествующаго Христіанства.

И двадцать и четыре старцы, предъ Богомъ сѣдящія на престолѣхъ своихъ, падоша на лица своя и поклонишася Богу, глаголюще и пр. (ст. 16—18).

Двадцать и четыре старцы, предъ Богомъ сѣдящія на престолѣхъ своихъ. Это суть, какъ было въ своемъ мѣстѣ раскрыто (смотри изслѣд. 4-ой гл.), тайнственные представители священныхъ книгъ Новаго Завѣта, взятыхъ не просто въ письмени, но въ самомъ ихъ духѣ и силѣ (насколько, т.-е. онѣ управляютъ всею жизнію церковною и начертываются въ самомъ сердцѣ вѣрующихъ благодатию Божіею); и въ особенности суть представители тайноводственнаго чина Священства, какъ блюстителя и преподавателя слова Божія по духу Новаго Завѣта. Посему въ дѣйствіяхъ и глаголахъ этихъ двадцати четырехъ старцевъ надобно искать указаніе на духъ всего Новаго Завѣта, который, въ провидѣнное Тайнозрителемъ время, долженствовалъ и имѣлъ выразиться и во внутреннемъ состояніи вѣрующихъ подъ руководствомъ священства.

Падоша на лица своя и поклонишася Богу. Такъ выражается глубочайшая покорность, смиреніе и благоговѣніе. Итакъ, во время, которое имѣется здѣсь въ виду, благодатный духъ Новаго Завѣта долженъ, при тайноводствѣ Священства, раскрыться особенно въ глубокой, смиренной, благодатной покорности судьбамъ Божиимъ.

Глаголюще: хвалимъ тя; съ греческаго: «благодаримъ тя». Что благодареніе возсылается не за виѣшнее благосостояніе и благоденствіе, это ясно изъ дальнѣйшихъ словъ о «разсвирѣпѣніи язычниковъ и о растлѣвающихъ землю». Итакъ, видно, что въ этомъ благодареніи двадцати четырехъ старцевъ выражаются, сообразно съ духомъ Новаго Завѣта, благодаршіе и радость въ самыхъ скорбяхъ, или охотное терпѣніе ради Бога свирѣпости языческой. Въ отноше-

¹⁾ Этого слова въ подлинникѣ нѣтъ.

ни. же къ тайноводству священства разсматриваемыя слова: «благодаримъ тебя», показываютъ, что тѣсныя обстоятельства вѣры и Церкви однако же не отнимуть свободы отъ правлять богослуженіе и въ особенности совершать Евхаристію (съ греч., «благодареніе»).

Господи Боже Вседержителю, иже Сый, и бгъ, и грядый,—яко пріялъ еси силу Твою великую и воцарился еси. Всѣ здѣсь частныя понятія или ясны сами по себѣ, или были уже изъяснены. Посему и общая мысль этихъ словъ должна быть понятна. Господь Богъ есть Вседержитель и объементъ всѣ времена, какъ вѣчный; чрезмѣрно *величество силы Его въ насъ вѣрующихъ, по дѣйству державы крѣпости Его, юже содѣя о Христѣ, воскресивъ Его отъ мертвыхъ, и посадивъ одесную Себе на небесныхъ, превыше всякаго начальства, и власти, и силы, и господства, и всякаго имене, именуемаго не точію въ вѣцѣхъ семъ, но и во грядущемъ. И вся покори подъ нозѣ Его: и Того даде главу выше всѣхъ Церкви, яже есть тѣло Его, исполненіе исполняющаго всяческая во всѣхъ* (Ефес. I, 19—23). Предъ величіемъ Вседержителя и Вѣчнаго не исчезаютъ-ли, не теряютъ-ли всякое значеніе и силу временныя скорби, написанныя вѣрующимъ языческми злобными гонителями? Не претворяются-ли эти скорби въ радость и похваленіе, когда чрезъ нихъ вѣрующій утверждается въ общеніи со Христомъ, въ Которомъ всѣ сокровища Божественной силы, любви и славы открыты для Его соучастниковъ? Не свойственно-ли, посему, преисполняться благодареніемъ въ самыхъ скорбяхъ гоненія тѣмъ сердцама, которыя, живя по духу Новаго Завѣта, чувствуютъ силу и величіе Благодатной державы вѣчнаго Вседержителя? Благодареніе же Господу Вседержителю, какъ Существу и присно-сущему и открывшему во Христѣ чрезмѣрную силу и всевластную державу, возсылается по превосходству въ Божественной литургіи или при совершеніи Евхаристіи, которой и самое это имя значить *благодареніе*.

И языцы прогнѣвашася, т.-е. на вѣрующихъ, какъ видно изъ связи рѣчи. Итакъ, яено здѣсь указаніе на возникшую снова языческую свирѣпость противъ Церкви православной.

И прииде гнѣвъ твой: это значить, что возобновленіе языческой вражды противъ Христовой истины вызвало и продолженіе гнѣва Божія на сихъ враговъ. Выше (при изъясненіи

15 ст.) мы уже видѣли, какъ открылся гнѣвъ Божій на язычески-враждебныхъ гонителей православнаго Христіанства.

И время мертвымъ судъ пріяти и дати мзду рабомъ Твоимъ и пр. Впрочемъ, далѣе еще не видно явленія послѣдняго суда живымъ и мертвымъ. Слѣдовательно, разсматриваемыя слова надобно понимать или такъ, что гоненіе на рабовъ Божіихъ православныхъ христіанъ, по самой продолжительности и жестокости своей, должно было вопіять объ отмщеніи гонителямъ и о помилованіи гонимыхъ, или такъ, что вѣрующимъ, по духу Новаго Завѣта, свойственно въ гоненіи находить для себя опору въ упованіи небесныхъ награды за вѣрность и осужденія языческой враждебной лжи.

Пророкамъ и святымъ, и боящимся имене Твоего малымъ и великимъ. Пророки суть, по отношенію къ обстоятельствамъ гоненія, учителя не только не измѣняющіе истинѣ гонимой, но имѣющіе помазаніе свыше вразумлять и другихъ въ этой истинѣ, обличать ложь, грозить поборникамъ ея неизбѣжнымъ судомъ Божиимъ. *Святые* суть вѣрные блюстители и исполнители Христова закона, святые по жизни и по дарамъ благодати. *Боящіеся имене Божія* суть, по отношенію ко времени гоненія, вообще тѣ, которыхъ страхъ Божій ограждаетъ отъ колебаній и смущеній отъ страха гонителей, и которые посему твердо держатъ правую вѣру, несмотря на лютость гоненій. *Малые и великіе* могутъ быть такими или по возрасту жизни, или по достоинству званія и состоянія. Итакъ, въ трудныхъ обстоятельствахъ языческаго «разсвирѣпѣнія» противъ Церкви, имѣли въ ней явиться и сильные исповѣдники истины, обличители Богоборной лжи, и высокіе по духовной своей жизни подвижники, и боящіеся Бога паче, нежели челоуѣковъ-гонителей, послѣдователи и блюстители Православія; и притомъ явились такіе изъ всѣхъ возрастовъ, званій и состояній.

И растлѣти посмрадиія землю. Съ греческаго слово въ слово: «растлѣть растлѣвающихъ землю». Гонители Церкви, оживившіе въ себѣ языческую противъ нея свирѣпость, дѣйствительно растлѣвали и самую землю государства, отнимая у него Православіе—эту духовную соль, служащую къ поддержанію тлѣнныхъ вещей, возбуждая въ государствѣ раздѣленія и мятежи, чѣмъ болѣе всего погубляются государства.

Общій смыслъ всего мѣста такой: предъ свѣтомъ новозавѣтнаго слова Божія, и по понятію руководствующаго Церковь священства, имѣло открыться истинно языческое «разсвирѣпѣніе» противъ Церкви и вѣры православной, впрочемъ губительное собственно для самаго государства и навлекающее гнѣвъ Божій на самихъ гонителей; въ самой же Церкви появятся по поводу сего «разсвирѣпѣнія» сильныя словомъ и дѣломъ исповѣдники истины, высокіе подвижники добродѣтели, вѣрные блюстители Православія изъ всѣхъ званій, состояній и возрастовъ; и, такимъ образомъ, духъ Новаго Завѣта, начертаннаго въ извѣстныхъ святыхъ книгахъ, будетъ дѣйствовать и раскрываться въ самыхъ сердцахъ вѣрующихъ, движа ихъ къ глубочайшей покорности, смиренію и благоговѣнію предъ Божиими судьбами, испытательными для Церкви, къ упованію собственно небесныхъ наградъ за вѣрность и суда Божія надъ Богоборною враждою, къ благодаренію въ самыхъ скорбяхъ гоненія; Священство—эти Богопоставленные блюстители и преподаватели Новаго Завѣта—будутъ тайноводствовать вѣрныхъ къ изъявленію сего благодаренія въ Божественной литургіи, благодаря Господа Вседержителя за *престъющее величіе державы Его, юже содѣлалъ и открылъ Онъ во Христѣ, въ Его страданіяхъ, смерти, воскресеніи и превознесеніи...*

Какъ все это осуществилось въ исторіи иконоборства и отчасти въ гоненіяхъ отъ магометанства, объ этомъ и говорить почти излишне, чтобы снова не повторять тѣхъ же словъ. Но нельзя не обратить особеннаго вниманія на то, что возмущенія и мятежническія возстанія, обнаружившіяся было въ періодъ иконоборства (каково было возстаніе Аршавада противъ Константина Копронима), въ Апокалипсисѣ назnamenованы, какъ явленія *гнѣва Божія и тлѣнія земли* государства, а вмѣстѣ и какъ движенія, совершенно чуждыя духу Новаго Завѣта, движущему къ покорности, смиренію и благодарности, къ упованію небеснаго возмездія за твердую и правую вѣру и ожиданію суда Самого Бога на Богоборную ложь. Упомянемъ и нѣкоторыя имена пророковъ и святыхъ, и боящихся *Бога паче нежели челоувѣкъ*: таковы были, кромѣ св. Іоанна Дамаскина, святые Косьма Сятоградецъ, Феодоръ Студитъ, Іосифъ Пѣнописецъ, Феодоръ

фанъ исповѣдникъ, Петръ Дамаскій, Пётръ Маюмскій, пострадавшіе отъ магометанъ. О языческой свирѣпости иконоборцевъ прочитаемъ свидѣтельство Исторіи церковной объ одномъ изъ нихъ, именно о Копронимѣ: «Лютость его на святыхъ Божіихъ, наконецъ, простиралась до того, что (кромѣ сожженія святыхъ остатковъ мученическихъ), запретилъ называть Апостоловъ, Пророковъ и Богородицу святыми... Тѣхъ, которые противились указамъ или явно исповѣдовали иконопочитаніе, онъ повергалъ въ темницу и подъ мечъ... Иныхъ, облакая во вретнице, съ камнями низвергалъ въ море; другихъ лишалъ очей, языка, рукъ и ногъ» и проч. (см. Ист. Иннок. час. I, стр. 426—427). О свирѣпости, въ то же время, магометанъ противъ Церкви находимъ также въ церковной исторіи слѣдующее: «при Львѣ Исаврѣ Омаръ, Турецкій вождь, Фракійскимъ христіанамъ предписывалъ исповѣдовать Магомета: тѣхъ, которые не хотѣли и которые медлили исполнять его предписаніе, предавалъ разнымъ мукамъ. Авдала, въ царствованіе Константина, отъ всѣхъ христіанъ, даже отъ пустынниковъ, заключенныхъ въ темницы, требовалъ необычайной дани... Христіанамъ подъ смертною казнію запрещалъ учиться... Христіанскіе храмы обращалъ во вмѣстилища всякихъ нечистотъ» и проч. (Ист. Иннок., ч. I, стр. 427—428). Но тѣмъ не менѣе, именно въ это время чинъ христіанскаго Богослуженія, которому Божественная литургія служитъ вѣнцомъ, украшенъ пѣснопѣніями Іоанна Дамаскина, Космы Маюмскаго и другихъ, многими праздниками и приведеніемъ едва ли не къ окончательному своему совершенству. Гонители же Церкви изъ иконоборцевъ, кромѣ наказанія общественными смутами Имперіи, выше упомянутыми, подверглись и особннымъ судамъ гнѣва Божія, отъ всѣхъ видимымъ и признаваемымъ. Такъ, причину того, что первый иконоборецъ—Филиппикъ мало времени царствовалъ и лишень зрѣнія, находятъ въ гоненіи его на правовѣрныхъ. Подобно сему всегдашняя безуспѣшность къ войнѣ и мучительная смерть Льва Исавра почитаются слѣдствіемъ того, что онъ мучилъ иконопочитателей. Поврежденіе ноги отъ горящаго угля, потомъ воспаление крови, гніеніе тѣла у Константина Копронима признаются также гнѣвомъ Божіимъ за гоненія. Скорою смертью Льва Копронима приписываютъ тому, что онъ

съ наглостію взялъ изъ Церкви вѣнецъ, украшенный драгоценными камнями и сказалъ: «Тотъ, кому посвященъ сей храмъ, любить убожество, а не драгоценности». Такъ говорить церковная исторія, свидѣтельствуясь общимъ голосомъ и мнѣніемъ въ Церкви о значеніи указанныхъ бѣдствій иконоборцевъ (Ист. Иннок., ч. I, стр. 422). Магометане, кромѣ смятенія и раздѣленій, также открывшихся у нихъ, были при морской осадѣ Константинополя поражены нечаянною бурей, сопровождаемою огнемъ съ неба, когда жители Константинополя, отражая сихъ враговъ оружіемъ и каждый день моляся въ постѣ и слезахъ, краемъ изображенія Богоматери (Одигитріи) коснулись моря (тамъ же стр. 423): а когда они думали вторгнуться въ Европу чрезъ Испанію, то были рѣшительно навсегда отражены отъ подобнаго покушенія оружіемъ Карла Мартелла и Карла Великаго. Такъ не посрамлялось, внушенное духомъ Новаго Завѣта озлобляемымъ христіанамъ, кроткое и терпѣливое упованіе суда Божія надъ притѣснителями.

И отверзется храмъ Божій на небеси, и явится Кивотъ Завета Его въ храмъ Его: и быша блистанія, и гласи. и громи, и трусь, и градъ великъ. И знаменіе велие явится на небеси жена облечена въ солнце. Вотъ и заключеніе всего величественнаго и разнovidнаго зрѣлища, изображаемаго въ XI гл., и предначатіе новаго великаго зрѣлища, открывающагося въ XII гл.

Храмъ Божій есть, какъ извѣстно уже намъ, Церковь, разсматриваемая въ своемъ опредѣленномъ благодатномъ устройствѣ и составѣ. *Небо* есть также Церковь, только созерцаемая въ иномъ отношеніи, именно въ своемъ духѣ, возышающемся надъ всѣмъ мірскимъ и независимомъ отъ земныхъ видоизмѣненій гражданскихъ, какъ царство собственно небесное. Посему *отверженіе храма Божія на небеси* знаменуетъ и открытіе церковнаго устройства и состава, въ наружныхъ его принадлежностяхъ, какъ принадлежащаго неизмѣнной и непреложной области Царства небеснаго. *Кивотъ Завета*, который въ Ветхомъ Завѣтѣ содержалъ въ себѣ скрижали Завета, имѣющія Богоначертанное на нихъ десятисловіе—сущность и сокращеніе всего Закона Божія, знаменуетъ посему существенные догматы Божественной истины. Отсюда явленіе Кивота Завета въ храмѣ означаетъ

не только сохраненіе Завѣта Божественной истины въ неприкосновенной цѣлости, несмотря на вышеупомянутое языческое «развирѣпніе» противъ Церкви и вѣры, но поставленіе сего завѣта существенныхъ догматовъ вѣры—на открытый видъ, въ должномъ свѣтѣ окончательной ихъ опредѣленности и ясности, въ силѣ и духѣ, разумѣется, Новаго Завѣта, въ которомъ правда всѣхъ правилъ и истина всѣхъ догматовъ должна быть разумѣема и усвояема нами прямо въ Самомъ Христѣ, начертываясь благодатию на скрижаляхъ собственнаго сердца или, вообще, духа вѣрующихъ.

Исторія совершенно оправдываетъ и окончательно раскрываетъ точно такой смыслъ разсматриваемыхъ словъ. Ибо, послѣ гоненія и смуть иконоборства, послѣдовалъ седьмой и послѣдній Вселенскій Соборъ, чрезъ который, во-первыхъ, церковное благодатное устройство открыто и увѣнчано непреложными правилами въ самомъ вѣшнемъ своемъ благолѣпнѣи и духовномъ богатствѣ святыхъ иконъ и святыхъ мощей, служащихъ отверзтою дверію и къ внутреннѣйшимъ созерцаніямъ и дарамъ благодати. И, во-вторыхъ, завѣтъ существенныхъ догматовъ Божественной истины седьмымъ Вселенскимъ Соборомъ приведенъ въ окончательную полноту, чрезъ присовокупленіе догмата о святыхъ иконахъ, и окончательно вселенскимъ согласіемъ вѣрующихъ утверждень въ должномъ свѣтѣ и досточтимости, чтобы на вѣки быть въ духѣ вселенской Церкви, какъ единому существу и живому духу вселенскаго Православія, вселяющему въ вѣрующихъ Христа—единую правду для всѣхъ и основную истину всего.

И быша блистанія, т.-е., «молніи». Молнія есть свѣтоносное явленіе въ природѣ сколько поразительное, столько и быстро преходящее. Посему молніи основательно могутъ быть приняты за символъ явленій или событій въ мірѣ и Церкви, сколько поразительныхъ и знаменательныхъ, столько же внезапныхъ и быстро совершающихся. Такихъ явленій и событій столь много было въ IX вѣкѣ, что исторія церковная не сомнѣвается признать однимъ изъ самыхъ характеристическихъ признаковъ сего вѣка—«знаменіями устрашаемымъ» (См. Ист. Иннок., ч. I, стр. 465). Таковы были, во-первыхъ, въ мірѣ нравственномъ, разные случаи гибели нечестивыхъ государей, соединенные съ знаменательными об-

стоятельствами. Такъ, императоръ Никифоръ, хвалившійся сердечнымъ ожесточеніемъ противъ подручныхъ своихъ, не только былъ убитъ на войнѣ, когда уже мечталъ о побѣдѣ, но и изъ головы его сдѣлана была чаша, употребляемая варварами (болгарами) при столѣ. Другому императору, извѣстному чревоугодіемъ, именно Михаилу III, послѣ безчестнаго пиршества, разсѣчены были мечемъ грудь и чрево. Во-вторыхъ, въ мірѣ физическомъ были необычайныя явленія: а) власянистая комета, измѣнявшаяся во многіе виды и чаще въ человѣка безъ головы; б) кровавый дождь въ Италіи въ продолженіе трехъ дней, — дождь изъ крупницъ, подобныхъ житу, и вихрь, съ огненными столбами на небѣ, съ пескомъ краснаго цвѣта, который покрывалъ все такимъ же цвѣтомъ; с) шестокрылая гусеница, за которой слѣдовали голодь и язва, погубившая третью часть Галліи, — иной голодь въ Германіи, усилившійся до того, что многіе родители покушались на жизнь дѣтей; д) землетрясенія въ Персіи, въ Египтѣ, въ Константинополѣ и въ другихъ странахъ, изъ которыхъ одно погубило до 45,000 человѣкъ. Все это должно было тогда производить сильныя впечатлѣнія на духъ общественный, подобно впечатлѣнію молній на вѣшнія чувства.

Быша гласи и громи: эти явленія по свойству особенно послѣднихъ (т.-е., громовъ) были не иначе, какъ на небеси. Понятіе же *гласовъ небесныхъ* знаменуетъ исповѣданія, раздававшіяся въ Церкви, какъ выше было показано. Понятіе *громовъ*, подобно какъ (выше X, 4), семью громами означено семь Вселенскихъ соборныхъ, торжественныхъ и грозныхъ провозглашенія предметовъ Христовой вѣры, — означаетъ также соборныя провозглашенія предметовъ вѣры, соединенныя съ анаемами иномыслящимъ. И дѣйствительно, въ области благодатнаго царства Церкви раздавались гласы исповѣданія вѣры и громы соборныхъ провозглашеній истинъ вѣры. Ибо иконоборство послѣ седьмого Вселенскаго Собора снова возникло и вызвало отчасти прежнихъ, отчасти новыхъ исповѣдниковъ и провозвѣстниковъ истины, каковы были, напримѣръ, патріархъ Никифоръ, заключенный Львомъ Армяниномъ, Феодоръ Начертанный и братъ его Теофанъ и другіе. Иконоборство вооружилось было и мечтательными громами соборныхъ правилъ и провозглашеній

(при Львѣ Армянинѣ). Но оно было окончательно поражено громами православнаго Собора, созваннаго благочестивою Императрицею Теодорою, и дѣйствовавшаго на основаніи собственно послѣдняго изъ седми громовъ, т.-е., 7-го Вселенскаго Собора. На Западѣ, по предмету иконопочитанія также отдавался отголосокъ подобныхъ громовъ, на соборахъ Франкфуртскомъ при Карлѣ Великомъ, не отринувшемъ опредѣленій 7-го Вселенскаго Собора, и Парижскомъ, который подтвердилъ постановленія Франкфуртскаго.

И трусъ: и на Востокѣ были потрясенія государства, когда Левъ Армянинъ былъ убитъ, а послѣ него престолъ занятъ былъ Михаиломъ Косноязычнымъ, который также долженъ былъ бороться противъ своего совмѣстника (Θομῆ); и въ особенности на Западѣ междуособія потрясали и, наконецъ, раздѣлили Имперію Карлову на три отдѣльныхъ государства.

И градъ великъ. Градъ, падающій съ неба и побивающій произведенія земли, есть выразительный символъ строгихъ судовъ и приговоровъ. Такой градъ въ большой силѣ выпалъ на землю при благочестивой Императрицѣ Теодорѣ, которая, въ строгости своей противъ иконоборцевъ, не пощадила даже друга и учителя мужа своего (патріарха Іоанна Грамматика), приказавъ ослѣпить его, и иконоборческихъ епископовъ замѣнила всюду православными, — чѣмъ и былъ положенъ конецъ смущеніямъ Церкви отъ иконоборцевъ. На Западѣ также слишкомъ много было подобнаго града при государственныхъ потрясеніяхъ.

И знаменіе велие явися на небеси—жена облечена въ солнце. Для заключенія видѣній XI главы, намъ достаточно замѣтить о семъ величественномъ явленіи, взятомъ изъ XII гл. Апокалипсиса, то, во-первыхъ, что жена есть символъ Церкви: ибо, *сущіе отъ стѣмени ея суть такіе, иже соблюдаютъ заповѣди Божія и имѣютъ свидѣтельство Іисуса* (XII, 17). И, слѣдовательно, облаченіе сей жены въ солнце, есть явленіе Церкви въ полномъ свѣтѣ торжествующаго Православія. И, во-вторыхъ, черты для изображенія сей жены взяты явно съ прославленнаго лица Божіей Матери. Ибо сказано далѣе, что она *роди Сына мужеска, иже имать упасти вся языки жезломъ желѣзнымъ* (ст. 5); но такъ изображается еще въ Ветхомъ Завѣтѣ именно Христосъ, Царь благодатной державы, какъ именно во 2-мъ псалмѣ.

Слѣдовательно облаченіе жены въ солнце, какъ это открылось на небеси, знаменуетъ особенно торжественное прославленіе въ Церкви Царицы Небесной Божіей Матери.

Подавивъ иконоборство, Церковь при Императрицѣ же Теодорѣ дѣйствительно праздновала на первой недѣлѣ Великаго поста торжество Православія, которое и доннынѣ, чрезъ столько вѣковъ ежегодно совершается на той же первой недѣлѣ Великаго поста, которая и именуется посему недѣлею Православія. Около сего же времени (IX вѣка), говоритъ церковная исторія, окончательно утверждено благодарственное пѣніе Богородицѣ, извѣстное подъ именемъ Акаѳиста, въ которомъ самымъ разнообразнымъ и торжественнымъ образомъ провозглашается слава и величіе Божіей Матери. Основаніемъ для сего прославленія Божіей Матери были чудесныя явленія Богоматери, явленныя Восточной Имперіи и именно Царюграду, въ троекратномъ спасеніи его отъ варваровъ. Это прославленіе Божіей Матери также увѣковѣчено для православной Церкви и доннынѣ совершается въ субботу на пятой седмицѣ поста, именуемую посему «похвалою Богородицы».

Но сими прекрасными и величественными событіями и учрежденіями уже начинался новый рядъ судебъ Церкви и міра, въ которомъ и наше отечество выводится на зрѣлище апокалипсическое: самая слава и величіе Церкви открываютъ, въ новыхъ ея судьбахъ, мѣсто для страшнаго Испушенія вѣры безмѣрнымъ духовнымъ возношеніемъ. Раскрытіе этого, по предсказаніямъ Апокалипсиса, будемъ слѣдить далѣе.

Въ заключеніе же изслѣдованій разсмотрѣннаго (третьяго) отдѣленія Апокалипсиса, читатель пусть перечитаетъ изъ первой части изслѣдованіе откровенія о Пергамской церкви. *изреченнаго Имѣющимъ обоюду изощренный мечъ своего Божественнаго слова и награждающимъ побѣждающаго дарованіемъ сокровенныя манны своей истины.* Здѣсь мы приведемъ только самыя слова этого откровенія о третьей изъ семи Малоазійскихъ церкви, съ прибавленіемъ лишь самыхъ краткихъ замѣчаній о томъ, какъ глубоко примѣнимо оно къ только-что разсмотрѣнному нами третьему отдѣленію Апокалипсическихъ видѣній о судьбахъ вселенской Христовой Церкви. Откровеніе начинается такимъ словомъ къ Ангелу Пергамской церкви: *такъ глаголетъ Имѣяй мечъ*

обоюду *изошрэнъ* (мечъ слова Божія, острѣйшаго всякаго меча обоюдоостраго,—слова Божія, въ силу котораго, замѣтимъ, и свидѣтельствовали Христову истину извѣстные уже намъ ея свидѣтели). *Въмъ дѣла твои, и гдѣ живещи, идѣже престолъ сатанинъ: и держиши имя Моє и не отверглся еси върѣ Моєя и въ Моя дни, въ няже Антипасъ свидѣтель Мой върный, иже убіенъ бысть въ васъ, идѣже живетъ сатана.* (Нужно-ли объяснять, какъ эти частныя обстоятельства Пергамской церкви характеризуютъ духомъ или значеніемъ своимъ и судьбы вселенской Церкви, только что прослѣженныя нами по Апокалипсису? Названіе *свидѣтеля* Христова буквально повторено въ видѣніи относительно двухъ пророковъ; престолъ и пребываніе *сатаны* соотвѣтствуетъ сатанинской силѣ *звѣря бездны*; *убіеніе* свидѣтеля Христова повторено и въ видѣніи о двухъ свидѣтеляхъ). *Но имамаъ на тя мало, яко имаши ту держащихъ ученіе Валаамово, иже учаше Валака положити соблазнъ предъ сынами Израилевыми* и проч. (Валаамъ былъ пророкомъ, но не выдержавшимъ своего пророческаго достоинства: явный образецъ лжеучителей и поборниковъ заблужденій, которые въ періодъ вселенскихъ Соборовъ являлись изъ среды и церковной іерархіи, и гражданскаго владительства, на погибельный соблазнъ многихъ изъ новаго Израиля). *Покайся: аще ли ни, прииду тебѣ скоро, и брань сотворю съ ними (лжеучителями) мечемъ устѣ Моимъ.* (Всѣ упорные нераскаившіеся лжеучители дѣйствительно, нещадно поражены мечемъ Слова Божія, въ періодъ вселенскихъ Соборовъ). *Побѣждающему дамъ ясти отъ манны сокровенныя и дамъ ему камень бѣлъ, и на камени имя ново написано, егоже никтоже вѣсть, токмо пріемляй.* (Выдержавшіе вѣрность Православію, при всѣхъ соблазнахъ лжеученій, конечно, питались небесною пищею Христовой истины, и имя ихъ написано на небесахъ неизгладимо, какъ на камени, у Сына Божія).—То самое, что періодъ вселенскихъ Соборовъ, составляя цѣлый рядъ судебъ вселенской Церкви, отобразился еще заранѣе въ дѣлахъ и судьбѣ частной церкви, показываетъ, что и нынѣ отъ насъ зависитъ въ гражданствѣ и церковномъ чину подражать или вѣрнымъ свидѣтелямъ Христовымъ для питанія небесною пищею, или Валааму съ Валакомъ для пораженія мечемъ Слова Божія.

Примѣчаніе: Какъ въ періодъ Вселенскихъ Соборовъ исторически раскрывался предуказанный въ Апокалипсисѣ духъ св. Отцевъ, подкрѣпляемыхъ и государствомъ,—исслѣдовавію объ этомъ вмѣстѣ съ примѣненіемъ къ нашему времени, посвящена *вторая статья о современности въ отношеніи къ православію* въ моей книгѣ „о Православіи“. Въ этой статьѣ можно видѣть, что духъ святоотеческаго свидѣтельства о Христовой истинѣ, какъ дѣятельность апокалипсическихъ пророковъ, раскрывался именно въ общеніи страданій и смерти Христовой, значить —и въ челоуколюбіи Христовомъ, возведшемъ Его на крестъ и возсіяшемъ въ Его воскресеніи. Въ этомъ именно духъ и всегда живы для вѣры и Церкви эти свидѣтели Христовы, пораженные было звѣремъ бездны, но воскресшіе и восшедшіе на небо,—очевидно по первообразу и основанію Христова воскресенія и превознесенія. Какъ въ особенности и православная-государственная власть, по дѣлу свидѣтельства о Христѣ, дѣйствовала руководительно для послѣдующихъ временъ подобно *про року* (по апокалипсическому образу), объ этомъ см. въ моей книгѣ „Объ упокоеніи усопшихъ и духовномъ здравіи живыхъ“ стр. 109—110. Перейдемъ къ слѣдующему отдѣленію Апокалипсическихъ видѣній.

Отдѣленіе четвертое.

Слѣдя откровеніе о судьбахъ Церкви и міра, мы уже дошли до того, предреченнаго въ Апокалипсисѣ и теперь уже прошедшаго, времени, когда Церковь Христова, водворяясь въ мірѣ языческомъ, открылась предъ міромъ въ торжествѣ своего Православія и въ духовно-царственномъ величіи, какъ жена, облеченная въ самое солнце. Итакъ, *тайна Божія, якоже благовѣсти рабы своими пророки* (Апок. X, 7), *тайна, нѣкогда сокровенная отъ вѣковъ и отъ родовъ, а потомъ явленная Святѣмъ Его, иже восхотѣ Богъ сказати, кое богатство славы тайны сея во языцѣхъ* (т.-е., между язычниками), *иже есть Христосъ въ нихъ упованіе славы* (Колос. I, 26—27),—эта великая тайна Божія, какъ солнце, раскрылась теперь въ самомъ своемъ осуществленіи между язычниками. Нѣкогда пророкъ зывалъ къ дочери дома Израилева, имѣвшей содѣлаться Матерію Божію: *слыши, Дщи, и виждь, и приклони ухо твое и забуди люди твоя и домъ отца твоего* (т.-е., забудь плотскаго Израиля, который отпадетъ отъ Церкви Христовой),.. *вмѣсто отца твоихъ быша сынове твои: поставихи я князи, по всей земли*

(Псал. XLIV: 11 и 17). Теперь эта благодатная дочь Израилева явилась предъ міромъ уже прославленную Царицею, возрастившею Себѣ новыхъ благодатныхъ *сыновъ* изъ міра языческаго и поставившею ихъ въ духовно-благодатные *князи* по всей земли, такъ что они силою Ея низлагаютъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Но припикнемъ ближе къ зрѣлицу, которое открывается въ XII гл. Апокалипсиса.

Явившаяся на небѣ царственная жена, облеченная въ солнце, носящая вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ, и подъ ногами имѣющая луну, находилась въ мукахъ рожденія. Въ этой же горней области неба появляется большой змій, имѣющий семь вѣнценосныхъ главъ и десять роговъ, успѣвшій уже хвостомъ своимъ повергнуть на землю третью часть звѣздъ небесныхъ, и теперь слѣдящій за женою, *да, егда родить, съестъ чадо ея*. Однако, рожденное женою дитя мужескаго пола въ цѣлости возьмется къ Богу и престолу Божию, имѣя великое назначеніе *пастн вся языки* жезломъ желѣзнымъ; и сама жена на определенное время убѣгаетъ въ пустыню. Между тѣмъ, на небѣ открывается брань между Архистратигомъ Михаиломъ и его Ангелами—съ одной стороны, и зміемъ и его слугами—съ другой; и не устояли послѣдніе, и мѣста не нашлось уже на небеси для нихъ: и такимъ образомъ, свергается змій съ своими служителями на землю, при раздавшемся на небеси гласѣ о побѣдѣ надъ зміемъ кровію Агнца, словомъ свидѣтельства и самоотверженіемъ вѣрующихъ до смерти. Низверженный на землю змій снова преслѣдуетъ жену, родившую дитя мужескаго пола; но она на двухъ крылахъ орла великаго снова паритъ въ пустыню на извѣстное продолженіе времени. Змій испускаетъ изъ своего зѣва въ слѣдъ жены рѣку водъ; по земля разверзшаяся поглощаетъ эту рѣку. И разсвирѣпѣвшій змій, наконецъ, обращаетъ свою ярость противъ останка сѣмени жены, какой еще уцѣлѣлъ въ дольней области. Таковъ изображенный въ XII гл. рядъ таинственныхъ явленій, имѣющихъ очевидную послѣдовательность и внутреннюю между собою связь. Будемъ разсматривать эти явленія по частямъ, восходя отъ частныхъ къ общему смыслу и оправдывая его указаніемъ на самыя событія.

И знаменіе веліе явися на небеси. жена облечена въ солнце, и луна подъ ногами ея, и на главѣ ея вѣнецъ отъ звѣздъ двои-